Федор Тирон

Во святе граде Константинове
Было богомолье великое.
Молился царь Константин Сауйлович
У честных у заутренней,
У святых у молебенов.
Отходила честная заутреня,
Царь Константин Сауйлович,
Он будет посреди двора царского.
Из далеча из чиста поля
Не люта змея вывивалася,
Вывивалася, выстилалася
Ровна стрелочка каленая.
Ложилася калена стрела
Посреди двора царского
У ноги у царския,
У руки у правыя.
А на стрелочке была, была грамотка,
На грамотке было написано
От царя иудейского,
От его силы жидовския,
Жидовския, бусурманския:
«Гой ты царь, Константин Сауйлович,
Ты давай нам супротивника,
Супротив меня, царя иудейского,
Супротив моей силы жидовския,
Жидовския, бусурманския,
Очищай землю святу русскую!»
Царь Константин Сауйлович,
С того государь задумался,
Задумался, запечалился,
Повесил головушку буйную,
Потупил очи ясныя
Сам во матушку во сыру землю,
Сам возговорил таково слово:
«Уж вы гой еси, вы князьё, бояре,

Гости торговые, мужики почетные!
Христиане православные!
А еще кто пойдет, побьет царя иудейского,
Его силу жидовскую,
Жидовскую, бусурманскую?

Кто очистит землю святу русскую,
Тот избавлен будет муки вечния,
Наследник будет царства небесного».
Да никто ему словечушка не проговорит —
Большой боярин хоронится за меньшего,
Меньшего не видети из-за большего.
Только по двору по царскому,
По крылечушку по красному
Ходит-гуляёт младый человек Федор Тирон,
Всего ему от роду двенадцать лет.
Сам возговорил таково слово:
«Государь родимый батюшко
Еще царь Константин Сауйлович!
Благослови меня, сударь батюшко,
Спасовым образом,
Матерью Пресвятою Богородицей,
Еще Троицею нераздельною.
Я пойду, побью царя иудейского,
Его силу жидовскую,
Жидовскую, бусурманскую,
Я очищу землю святу русскую».
А царь Константин Сауйлович,
Он горячими слезами заливаётся,
Сам возговорил таково слово:
«Ай горе, чадо милое,
А младый человек Федор Тирон!
Всего тебе от роду двенадцать лет,
На боях, чадо, не бывывал,
Сбруей ратною не влаживал,
Из крепка лука не стреливал,
Калены стрелы не кладывал.
На кого, чадо, надеешься,
Держишь надежду великую?»
А младый человек Федор Тирон

Сам возговорил таково слово:
«Государь родимый батюшко
Еще царь Константин Сауйлович!
Я надеюсь, сударь батюшко,
Я на Спаса на пречистого,
Я на матушку Пресвятую Богородицу,
Я на Троицу нераздельную,
На твое благословение великое, —
Только было бы твое благословение великое».

Он, царь Константин Сауйлович,
Восходил в церковь соборную,
Поднимал иконы местные,
Служил молебны за здравные.
Благословил его сударь батюшко
Спасовым образом,
Матерью Пресвятой Богородицей,
Еще Троицей нераздельною.
А младый человек Федор Тирон
Восходил на конюшню дубовую,
Выбирал коня что есть лучшего,
Седлал седелечко черкасское
О двенадцати подпружинах —
Не ради красы молодецкия,
Ради крепости богатырския.
А молодой человек Федор Тирон,
Он берет сбрую ратную,
Копье булатное, палицу железную,
Еще крепкий лук о две стрелы каленя.
Садится он на добра коня,
Поезжал по граду Константинову.

Под ним добрый конь подымается
Через ту стену белокаменну,
Как ясный сокол полетел по поднебесью.
Выезжал далече во чисто поле,
Становился супротив царя иудейского,
Супротив его силы жидовския,
Жидовския, басурманския.
Он и бьется с царем по первый день,
Он и бьется с царем по второй день,

Он и бьется с царем по третий день,
Не пиваючи, не едаючи,
Со добра коня не слезаючи.

Побивал царя иудейского,
Его силу жидовскую,
Жидовскую, бусурманскую.
Обливала его кровь жидовская,
Жидовская, бусурманская,
Не по колени, не по́ пояс,
По самыя груди белыя.

Молодой человек Федор Тирон,
Он и бьет копьем во сыру землю
Сам возговорит таково слово:

«Уж ты, матушка сыра земля,
Расступися на четыре на четверти
На все четыре на стороны!
Ты пожри в себя кровь жидовскую,
Жидовскую кровь, бусурманскую».

По Божию изволению
Расступалася мать сыра земля
На четыре на четверти,
Пожирала в себя кровь жидовскую,
Жидовскую, бусурманскую,
Царя иудейского.

А младый человек Федор Тирон
Очищал землю Святорусскую.

Поезжал ко граду ко Константинову.

Под ним добрый конь спотыкается,
Сам он на коне сидит — шатается.
Как завидел его государь батюшко
Еще царь Константин Сауйлович,
Сам возговорил таково слово:
«Уж вы гой есте, князья, б́яре,
Гости торговые, мужички почетные,
Христиане православные!
Восходите скоро в церковь соборную,
Поднимайте иконы местные,
Служите молебны заздравные,
Встречайте младенца во чистом поле,

Ему бейте челом, поклонитесь
По двенадцати земных поклонов,
По сороку до поясу
За него святое умоление,
За него честное притерпление».
Князя, бояре его слушали:
Восходили скоро в церковь соборную,
Поднимали иконы местные,
Служили молебны за здравные,
Стречали младенца во чистом поле,
Ему били челом, поклонялися,
По двенадцати земных поклонов,
По сороку до поясу
За него святое умоление,
За него честное притерпление.

А младый человек Федор Тирон
Въезжал на широкий на царский двор.
Встречает его сударь батюшко
Еще царь Константин Сауйлович.
Его родимая матушка
Приняла его с добра коня,
Повела в палаты белокаменны,
Посадила под иконы местные,
За столы за дубовые
За скатерти за бранья,
За питья за медвяныя,
За ествы за сахарныя.
Понесла ему первую ествицу...

Из-за первой из-за ествицы
Завидела коня потного,
Повела поить на синё море,
На ту воду на студеную,
Обмывали крови жидовския,
Жидовския, бусурманския.
Где ни возьметса тамо лютый змей,
Лютый змей, люто огненный,
Ухватил его родимую матушку
Он во челюсти во змеиныя,
Унес ее за синё море

Во те пещеры, в горы белокаменны
Ко двенадцати ко змеёнышам
На ту муку на змеиную.

Ах, что за горе великое!
Выбегает его добрый конь
На широкий на царский двор.
Прорещит его добрый конь
Человеческим языком:
«А младый человек Федор Тирон!
Что ты пьешь, ешь, что тешишься,
На себя-то беды не чаешься?
Как твоя родимая матушка
Ради тебя дождалася,
Ради тебя догляделася!
Понесла тебе первую ествицу, —
Из-за первой из-за ествицы
Завидела меня, коня потного,
Повела поить на синё море,
На ту воду на студеную,
Обмывати крови жидовския,
Жидовския, бусурманския.
Где ни возьметса тамо лютый змей,
Лютый змей, люто огненный,
О двенадцати хоботов,
Ухватил твою родимую матушку
Он во челюсти во змеинья,
Унес ее во синё море
Ко двенадцати ко змеёнышам
На ту на муку на змеиную».

Ах, ты горе великое!
А младый человек Федор Тирон
Что в устах было, то проглотил,
Что в руках, то так пустил.
Восходит скоро в церковь соборную.
Он берет с собою слово Божие,
Святу-честну книгу Евангелье,
Он берет с собою сбрую ратную,
Копье булатное,
Саблю вострую, палицу железную,

Еще крепкий лук, две стрелы калены
Он приходит к морю синему,
Становился на крутом красном бережочке.
Он читает слово Божие,
Святу-честну книгу Евангелье, —
Во слезах письма не видит,
Во рыданьи слова не вымолвит.
Где ни возьметса тамо кит-рыба,
Прорёщит та кит-рыба
Человечьим языком:

«А младый человек Федор Тирон!
Ты поди по мне, по ките-рыбе,
Яко по мосту, яко по суху,
Выручи свою родимую матушку,
Из тоё муки змеинья,
От двенадцати от змеёнышей».

А младый человек Федор Тирон
Переходит морё синее,
Становится на крутом красном бережочке,
Читает слово Божие,
Святу-честну книгу Евангелье —
Во слезах письма не видит,
Во рыданьи слово не вымолвит.
Завидела его родимая матушка
Из тоё из муки змеиньё,
От двенадцати от змеёнышей,
Кричит-вопит громким голосом:

«Ой, дитятко, с тобою мы погибнули,
Родимое, с тобой погибнули!»
А младый человек Федор Тирон
Сам возговорит таково слово:
«Не убойся, моя матушка, не погибнули,
Родимая, не погибнули, —
Еще с нами Бог и над нами Бог,
Со мною слово Божие,
Со мною сбруя ратная, копье булатное,
Сабля вострая, палица железная,
Еще крепкой лук, две стрелы калены».

А молодой человек Федор Тирон,

Он натягивал свой крепкой лук,
Он накладывал две стрелы калены,
Он стрелял в двенадцать змеёнышей,
Побивал двенадцать змеёнышей.
Выручил свою родимую матушку
Из тоё из муки змеинья,
От двенадцати змеёнышей.
Он посадил ее на головку на тяжелую,
Понес ее к морю синему.
Его родимая матушка
Назад себе оглянулася,
Завидела змея лютого,
Люта змея, люта огненна
О двенадцати хоботов.
Кричит-вопит громким голосом:
«Ой, дитяtko, с тобой мы погибнули,
Родимое, с тобой погибнули!»
А младый человек Федор Тирон
Сам возговорит таково слово:
«Не убойся, моя матушка, не погибнули,
Родимая, не погибнули, —
Еще с нами Бог и над нами Бог,
Со мною слово Божие,
Со мною сбруя ратная, копье булатное,
Сабля вострая, палица железная,
Еще крепкой лук, две стрелы калены».
А младый человек Федор Тирон,
Он натягивал свой крепкой лук,
Он накладывал две стрелы калены,
Он стрелял супротив змея лютого,
Люта змея, люта огненна
О двенадцати хоботов,
Вышибал ему сердце со печенью.
Облипала его кровь змеиная
Не по колено, не по́ пояс,
По самы груди белыя.
А младый человек Федор Тирон,
Он и бьет копьем во сыру землю,
Сам возговорит таково слово:

«Уж ты матушка, мать сыра земля,
Расступися на четыре четверти
На все на четыре стороны!

Ты пожри в себя кровь змеиную!»

По Божию изволению

Расступалася мать сыра земля

На четыре на четверти,

Пожирала в себя кровь змеиную.

А младый человек Федор Тирон

Очищал землю Святорусскую.

Приходил ко синю морю,

Становился на крутом красном бережочке,

Читает слово Божие,

Святу-честну книгу Евангелье, —

Во слезах письма не видит,

Во рыданьи слово не вымолвит.

Где ни возьметсѧ та же кит-рыба,

Прорещит кит-рыба

Человечьим языком:

«А младый человек Федор Тирон,

Ты поди по мне, по ките-рыбе,

Яко по мосту, яко по суху,

Понеси свою родимую матушку

Из тыё из муки змеиные».

А младый человек Федор Тирон

Переходит морё синее,

Становится на крутом, красном бережочке,

Сам возговорит таково слово:

«Государыня моя родимая матушка,

А что — стóит мое похождение

Супротив твоего порождения?»

Его родимая матушка

Горючим слезам заливалася,

Сама говорила таково слово:

«Ой горе, чадо милое!

А младый человек Федор Тирон,

Всего тебе от роду двенадцать лет.

Как твое-то похождение

Наипаче моего порождения».

А младый человек Федор Тирон
Приходил ко граду Константинову.
Как завидел его сударь батюшко,
Еще царь Константинович Сауйлович,
Сам возговорил таково слово:
«Уж вы гой есте, князья, бояре,
Гости торговые, мужички почетные,
Христиане православные!
Еще кто почтит отца и мать свою,
Надеется Федору Тирону
На первой неделе поста Господня Великого,
Тот избавлен муки вечная,
Наследник будет царства небесного».

Еще славен Бог и прославлен,
Велико имё Господне!

Сочинения П. И. Якушкина. Спб., 1884.